

Михаил Краснянский

МОЯ ЕВРЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

*«Вот народ, который отдельно живет, и между народами не числится»
(Тора. Числа. XXIII. 23. 9).*

Короткое предисловие.

Случайность — это фундаментальное свойство материального мира. Поэтому мы не можем предвидеть все испытания, уготованные нам судьбой. Но мы с вами, люди глубоко порядочные, должны быть готовы к ним, ибо, как разъясняется в Талмуде, Господь испытывает не грешников, но праведников. Да, судьба человека предначертана на Божьих скрижалях. Но судьба каждого из нас записана там не в виде единичной линии, а в виде векторной матрицы, что обеспечивает многовариантность судьбы. Выбор вариантов — за каждым из нас. В действительности, мы всегда получаем ту судьбу, которую (осознанно или неосознанно) выбираем себе сами из определенного числа вариантов, предложенных нам Господом. Разумеется, я обещаю рассказывать здесь только правду, даже несмотря на то, что правда зачастую безжалостна; также прошу учесть, что, например, правда удава сильно отличается от правды кролика, особенно если кролик не испугался удава и не покорился ему.

Я родился в октябре 1942 г. в Махачкале, в эвакуации, т. к. тогдашнее Сталино (ныне Донецк, Украина), где перед войной жили и работали мои родители, к тому времени было оккупировано фашистскими войсками, а страшная молва о том, что гитлеровцы творили с евреями, — уже катилась впереди них. Родители (точнее, мама — папа уже был на кавказском фронте) назвали меня Мойшей (впрочем, в Махачкалинском загсе ни о каких мойшах не слыхивали и слышать не пожелали, а записали меня Михаилом). Но корни моего рода — одесские. Мой дед, Моисей Краснянский — уроженец г. Ананьева (ныне Одесская обл., тогда — Херсонская губерния). До революции Ананьев был одним из наиболее богатых и значимых городов юга России, т.к. он входил в «черту оседлости», введенную для евреев Екатериной Второй.

Кисловодск, 1950 г., мне 8 лет

Одесса, кстати, туда не входила, и там могли жить только те евреи, кто имел высшее образование (особенно врачи), был купцом 1-й гильдии, а также отдельные высококвалифицированные ремесленники — в основном, ювелиры и портные. Мой дед был одним из самых уважаемых ананьевских граждан — купцом 2-й гильдии (владел несколькими магазинами и складами, фотоателье, крупным извозом) и главой попечительского совета местной еврейской школы.

Деда убили (вместе с женой Софьей, моей бабушкой) петлюровцы в 1919-м году во время страшных еврейских погромов. И если украинские историки хотят защитить деятельность Симона Петлюры, пусть ответят мне на простой вопрос: *Чим наша працьовита і заповзятлива єврейська нація так жахливо заважала Незалежній Україні?...*

Жертвы второго петлюровского погрома в Житомире

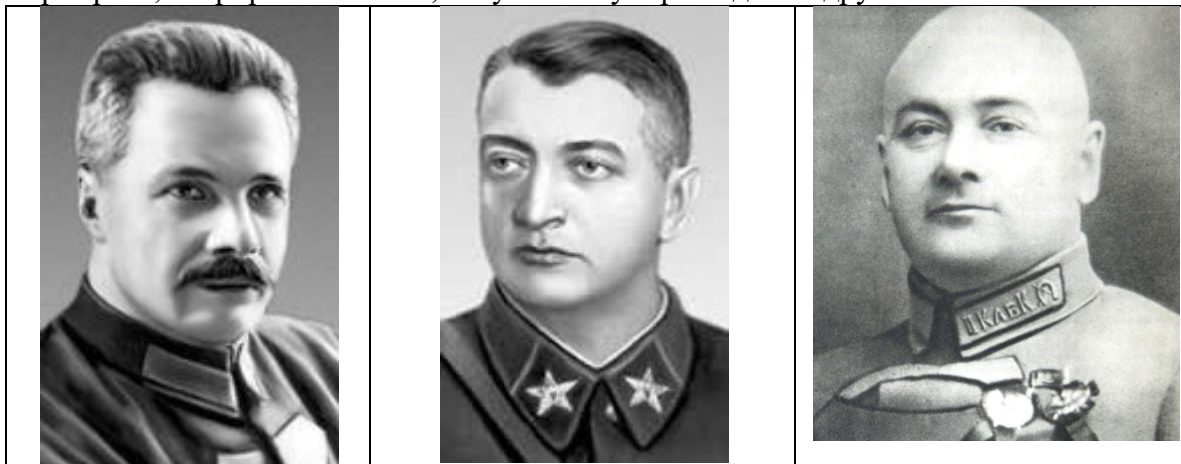
Фото 1919-го года из книги З. Островского «Еврейские погромы 1918-1921 гг.» (М., 1926 г.)

Против петлюровских погромов пытался выступить знаменитый разбойник («бессарабский Робин Гуд»), а затем красный командир Григорий Котовский. В 1916 г. он был осужден на смертную казнь за разбой, однако за несколько дней до исполнения приговора в кабинет генерал-губернатора Новороссийского края буквально ворвалась страстно влюблённая в богатырскую статью Котовского генеральша Щербакова и, упав на колени, вымолила у генерала Брусилова помилование; а уже к концу 1917-го года Котовский появился в Одесском регионе в качестве красного командира. Любитель покутить и поговорить «за жизнь», он был желанным гостем в богатых домах Ананьева; не раз заходил Григорий Иванович и в хлебосольный дом моего деда Моисея.

Котовский какое-то время покровительствовал и Моне Винницкому (более известному как Мишка Япончик), с которым он ранее вместе сидел в тюрьме и который к тому времени «держал» в Одессе всю барахолку, всех проституток и весь игорный бизнес. Когда в Одессу в январе 1919-го вошла Красная Армия и стала безжалостно уничтожать бандгруппы, Япончик явился в Особый отдел Третьей армии и при поддержке Котовского сформировал из своих бандитов стрелковый полк... им. Ленина! Интересно, что первый бой полка "Япончика-Ленина" был... с петлюровцами! (Воистину – «всё смешалось в доме Облонских!»). Бандитам, однако, война не понравилась (то ли дело грабить безоружных!), и они воевать отказались. Но ведь они уже были Красной армией, и этого не учли. Последовал приказ командарма Якира арестовать весь этот «бандитский сброд» вместе с Япончиком; при аресте, в котором участвовали и бойцы Котовского, Япончик оказал сопротивление и был застрелен...

«Не забыла» доблестная советская власть и заслуги Котовского, вольнолюбие и особенно амбиции которого, терпимые в годы гражданской войны, стали очень раздражать в годы «строительства коммунизма». Тёмной августовской ночью 1925-го года Котовского, к тому времени 40-летнего комкора Красной Армии, застрелил под Одессой его давний знакомый, а по совместительству агент ГПУ Зайдер. У меня нет сомнений, что убийство Котовского было, как сейчас говорят, «заказным». Но в те времена существовал только один «заказчик» – Иосиф Сталин (и единственный «генподрядчик» – ОГПУ-НКВД). Косвенно эту

версию подтверждает тот факт, что Зайдер отсидел в тюрьме только три года – и это за убийство красного комкора! Кроме того, Котовский очень дружил с Фрунзе, который буквально через три месяца тоже «случайно» погиб в больнице во время операции (а все четыре врача, оперировавшие его, «случайно» умерли один за другим в течение ближайших

Фрунзе-Тухачевский-Котовский – трио подло убитых Сталиным военачальников, которые могли бы не допустить 1941-го года

лет). Это была дружба двух подлинно талантливых полководцев. Когда Фрунзе в 1924-25 гг. возглавлял Генштаб Красной Армии и имел в заместителях Тухачевского, он уже почти перетащил к себе в Генштаб и Котовского – еще одним замом. Но для дуболобов Ворошилова с Будённым триумвират этих «профи» в Москве был абсолютно неприемлем: вы только подумайте, какой-то выскочка Тухачевский предлагает воевать танковыми дивизиями – а как же наша славная Буденновская конница?!.. («Генералы всегда готовятся к прошедшей войне» – метко заметил как-то Уинстон Черчилль). Если бы в 40-41-х годах Красной Армией руководили Фрунзе-Тухачевский-Котовский, а не Ворошилов-Буденный-Шапошников.... Если бы да кабы...

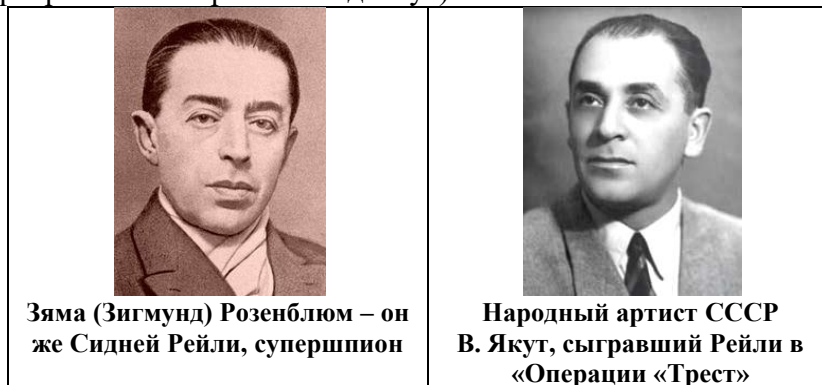
Нужно отметить, что еврейская интеллигенция в 1917-20 гг. в массе своей была на стороне большевиков. Еще бы – и царская власть, и белая гвардия, и многие украинские националисты были отпетыми антисемитами, значительная часть из них – кровавыми антисемитами. Большевики тогда, в «досталинский» период, антисемитами не были. Под новые знамена и новые лозунги «всеобщего равенства и братства», от которых захватывало дух, и пошла еврейская интеллигенция, надеясь сбежать от «еврейского вопроса» в светлое коммунистическое будущее. Немыслимый Эдуард Багрицкий, этнический одесский еврей (родители – Годель Мошкович и Ита Абрамовна Дзюбины), сидя, задыхаясь от астмы, на затертой тахте в своей квартире на Молдаванке в послереволюционной Одессе, вдохновлённый и осенённый Революцией, буквально швырял в лицо обывателям свои яростные стихи (*отрывок*):

**От черного хлеба и верной жены
Мы бледною немочью заражены...
Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной полынью пропитаны воды, –
И горечь полыни на наших губах...
Бездомною стужей уют раздуваем...
Мы в ночь улетаем! Мы в ночь улетаем!
Как спелые звезды, летим наугад...
Над нами гремят трубачи молодые,**

Над нами восходят созвездья чужие,
 Над нами чужие знамена шумят...
 Чуть ветер, чуть север – срывайтесь за ними,
 Неситесь за ними, гонитесь за ними,
 Катитесь в полях, запевайте в степях!
 За блеском штыка, пролетающим в тучах,
 За стуком копыта в берлогах дремучих,
 За песней трубы, потонувшей в лесах.

Увы, в конечном итоге эта мечта не сбылась – сбежать от «еврейского вопроса» в коммунизм российским евреям не было суждено. Однако те из них, кто стал в октябре 17-го под красные знамёна, зная этого, к своему несчастью, не могли... (*«Времена не выбирают, в них живут и умирают» – А. Кушнер*).

Еще один интересный факт: ананьевским приятелем моего деда Моисея в юношеском возрасте был Зяма, сын другого ананьевского купца, австрийского еврея Герша Розенблюма (Зяма был старше деда на несколько лет). Зяма слыл очень умным и способным, бегло говорил на нескольких языках, но совершенно не интересовался купеческими делами своего папочки. За несколько лет до начала Первой Мировой 25-летний Зяма навсегда исчез из своего купеческого дома. Зяма (Зигмунд) Розенблюм впоследствии прославился под именем Сиднея Рейли, супершпиона (об этом был телесериал «Операция «Трест» – там Рейли сыграл прекрасный актер Всеволод Якут)...

Самое же поразительное, что наш когда-то обширный и разветвлённый одесский род так **был отмщён** (да, да, и не надо делать такое удивлённое лицо, будто при нарезании салата вас укусила за палец крабовая палочка!). Во время петлюровского погрома в г. Балта (это рядом с Ананьевым), где двумя домами жили Шварцбарды, дальние родственники моего деда Моисея, петлюровцы убили всю их большую еврейскую семью – 15 человек, в т.ч. 5 детей; в живых остался только Шлома Шварцбард – он с 1910 г. жил во Франции, в Первую Мировую войну 1914-1917 гг. воевал наёмником во Французском Иностранном Легионе (как и огромное число образованных евреев России того времени, он не любил российскую царскую власть за антисемитизм и «черту оседлости»), получил орден Боевого креста за мужество, был еврейским поэтом и публицистом, затем вернулся в Одессу как переводчик в составе французской военной делегации, в 1918-1919 гг. был мобилизован и воевал в бригаде Котовского (и поэтому его не было в Балте во время погрома), затем, в декабре 1919 г., не желая иметь дело с разочаровавшими его большевиками, снова бежал в Париж. Там же позднее (в 1924 г.) поселился (на свою голову!) и бежавший от

Шлома Шварцбард

большевиков Симон Петлюра. Когда Шварцбард узнал (из газет) об этом, он выследил Петлюру на одной из улиц Парижа и недрогнувшей рукой опытного воина всадил в него всю обойму своего нагана, после чего сам позвал «ажанов» (французских полицейских). Это случилось в мае 1926-го. Шварцбарда, естественно, арестовали и отдали под суд. Некоторые французские газеты называли убийство «политическим», а Шварцбарда чуть ли не «агентом ОГПУ». Но нанятый группой известных французских персоналий (среди них были писатели Ромен Роллан и Анри Барбюс, художник Марк Шагал, физик Поль Ланжевен) опытный адвокат доказал, что это была месть, что этот молодой парень

убил лишь убийцу своей семьи. Суд присяжных принял сторону Шварцбарда, и он был оправдан. Отец мне рассказывал: после страшных погромов, по Ананьеву и Балте ходили чёрные еврейские старухи с жестяными кружками и собирали деньги «на месть». Они что, тоже были «агентами ОГПУ»?...

В современной львовской газете "Идеалист" (№ 1 за 2003 г.) напечатан такой вот стишок под названием "Судили Україну" (автор – казачий полковник Иван Кассала). Я приведу одно четверостишие:

**Вони судили не Петлюру.
Його убив проклятий жид.
А захищав жидівську шкуру
У тім суді жидівський світ.**

Так что дискуссия о Петлюре в Украине продолжается... Но, слава Богу, этот И. Кассала – не единственный «поэт», пишущий «стихи» о евреях. Давайте вспомним другие стихи о евреях – стихи настоящего поэта, Александра Галича, посвященные памяти польского писателя и педагога Януша Корчака, сожженного фашистами в печах концлагеря Трешлинка вместе с двумястами еврейскими детьми-сиротами из Варшавского гетто:

**...Пусть мы дымом истаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горящую лаву,
Но дождём, но травой, но ветром, но пеплом –
Мы вернёмся, вернёмся, вернёмся в Варшаву...**

Эту историю я рассказал вовсе не для того, чтобы с расстояния в 100 лет «выставить оценки» всем действующим в ней лицам. Я просто хочу дать ответ на тот вопрос, который часто забывают задать авторы статей об истории (да и о сегодняшнем дне) Украины: что принесла деятельность такой-то исторической личности не Украине в целом, не какому-то её региону – а обычной её семье, рядовому её гражданину? – Так вот, деятельность Симона Петлюры в Украине принесла «пересічній» (*рядовой*) семье Краснянских и её ближней и дальней многочисленной родне – ГОРЕ, КРОВЬ, СМЕРТЬ. Больше ничего. Характерно, что **моя тётя** Рахиль Краснянская, сумевшая уцелеть в ананьевском аду петлюровских погромов, но не сумевшая вовремя покинуть Одессу в 1941-м году – была **казнена гитлеровцами** в гетто под Одессой. И я спрашиваю себя – не были ли тогдашние погромы петлюровских атаманов некоей *репетицией грядущего Холокоста?*

Фашистские палачи расстреливают молодых еврейских женщин, чтобы остановить воспроизводство еврейской нации
(Ровенская область, Украина, 1941 г.; перед казнью жертвам было приказано снять всю одежду)

Замечательный российский актер Леонид Соломонович Броневой в одном из интервью, говоря о своей знаменитой роли Мюллера и об итогах войны с Гитлером, заметил: «Любой, кто провозглашает лозунг «Бей жидов», – обязательно проигрывает».

Мой отец «благодаря» Петлюре остался круглым сиротой в 13 лет. Он прошел через сиротство, детский дом, сумел закончить Одесский архитектурный институт (он прекрасно рисовал), прошел почти всю войну в инженерно-строительных войсках, имел военные награды, а в конце 1944 г., после освобождения г. Сталино, был демобилизован (в чине инженер-капитана) восстанавливать разрушенный фашистами город. Папа начал работать начальником отдела строительства Сталинского облисполкома. Первые послевоенные годы папиным «персональным авто» была фронтовая «полуторка» (полуторатонный грузовик с деревянным кузовом), на которой он и колесил по тогдашнему областному бездорожью. Кроме того, отец много лет был депутатом Сталинского, а затем Донецкого облсовета. Со временем отец объединил разрозненные проектные организации Сталинской области в один крупный Государственный институт проектирования городов («Гипроград»), где и проработал последние почти 20 лет в должности директора. Почти 20. Дело в том, что папу очень не любил первый секретарь к тому времени уже Донецкого обкома КПСС всемогущий Дегтярёв. В последние годы папиного директорства (1965-67 гг.) он часто звонил в Киев, в Госстрой УССР и грозно вопрошал: «Вы когда уберёте этого жида?!» (Об этом папу информировали друзья из Госстроя). При этом я не могу утверждать, что г-н Дегтярёв был антисемитом по убеждениям – не исключено, что он просто выполнял «линию ЦК КПСС», а вот линия эта была строго антисемитской. Госстрой УССР стоял за отца горой. Но Дегтярёва было не остановить: в середине 1967 г., так и не добившись ничего от Госстроя, бюро Донецкого обкома КПСС приняло решение снять отца с работы (так это тогда называлось). Дело всей папиной жизни рухнуло в один миг. В конце того же года у отца случился тяжелый инфаркт. Новый, 1968-й год стал для нашей семьи трагическим. День папиной смерти я отчетливо помню до сих пор. Был февраль, но вдруг резко потеплело, дул сильный ветер и лил дождь. Папа уже полтора месяца лежал с инфарктом, но чувствовал себя гораздо лучше, был улыбчив и оживлён. Вдруг днём 16 февраля его состояние резко ухудшилось, он стал задыхаться (вскрытие показало – это был повторный обширный инфаркт). Дальше всё произошло очень быстро. Мама вызвала "скорую", она

приехала через 10 минут. Белые халаты. Кислород. Строфантин в вену. Адреналин в сердце. Конец. Остались лишь черные ветки в окне, да плотная стена дождя, как раскрытая тетрадь в косую линию... Отцу было 60 лет. Он умер, оставив нам с мамой маленькую двухкомнатную квартиру – ни машины, ни дачи, ни толстой сберкнижки. Потому что жил по законам чести и совести нашего рода.

Мою маму звали Элька-Симха (по-советски – Елена Семеновна), она тоже родом из Одессы, более того, её девичья фамилия – Одесская. А её отец – **мой другой дед** Симха (Семен) Одесский возглавлял группу переводчиков Одесского торгового порта, свободно говорил и читал на шести языках. Бог не уберёт его, но уберег нас с мамой от Ежова с Берией – дед был арестован еще в 1929 г. в рамках борьбы с вредительством в рядах интеллигенции и в том же году странно **умер в следственном изоляторе НКВД** в возрасте 47 лет, так и не дожив до суда. В те годы «ранней сталинщины», когда ОГПУ возглавлял В. Менжинский, выпускник юридического факультета Петербургского университета, семьи арестованных еще не подвергались жестокому преследованию, но если бы дед дожил до 37-го – он неизбежно был бы «разоблачен» как «шпион» всех шести стран, на языках которых он говорил, моя мать была бы арестована как дочь «врага народа», а я в лучшем случае родился бы где-нибудь в Кагалымлаге...

Мамина мама (**моя бабушка**) **Роза погибла во время эвакуации**. Мама рассказывала мне, что армия Гитлера полностью оккупировала город Сталино и поставила там свою администрацию только к ноябрю 1941 г. Мама с бабушкой сначала задержались в городе, однако гитлеровцы начали массовые аресты и казни евреев. При этом, чтобы, по-видимому, не тратить патронов, евреев живьем сбрасывали в вертикальные шурфы угольных шахт на глубину более 100 метров (только в стволы шахты «4-4-бис-Калиновка» в течение 1942-43 гг. было сброшено около 70 тысяч евреев со всей области). По рассказам немногочисленных оставшихся в живых очевидцев, фашисты сбрасывали в шурф этой шахты целые семьи, не щадя ни детей, ни стариков (на месте этого шахтного ствола в современном Донцке открыт мемориал). Поэтому моя мама вместе с бабушкой Розой в начале декабря 41-го бежали из Сталино, раздобыв старую подводку с полудохлой лошадей. По снегу и холоду они добрались до соседней Ростовской области, где сумели втиснуться в переполненный поезд, в вагон с разбитыми стеклами (ранее поезд попал под бомбы гитлеровской авиации). В вагоне было очень холодно, замерзала вода. Бабушка Роза, не выдержав пути, умерла прямо в вагоне, откуда её вынесли на ближайшей ж/д станции (я не знаю до сих пор, где она похоронена). Моя мама выжила в ледяном вагоне и добралась (за две недели езды!) до маленького городка Махачкала на Северном Кавказе, куда уже прибыли десятки тысяч беженцев из оккупированных гитлеровцами районов СССР. Поэтому свободного жилья там не было, и мама вынуждена была жить на веранде дома. На веранде было очень холодно, почти как на улице, не было никакой гигиены, негде было готовить еду, да и еды тоже не было, т.к. был настоящий голод. На этой веранде, моя мама и родила меня в октябре 42-го (в Ростове, в декабре 41-го, который к тому времени Красная Армия сумела отбить у гитлеровцев, ее с бабушкой встречал папа, отпросившись на день из своей части Кавказского фронта – видимо, в тот день я и был «произведен»). Там, на веранде, я вместе с мамой жил, голодал и мёрз почти целый год; лишь осенью 1943-го мама смогла пристроиться в маленькую комнатку (на нары), в которой уже жили еще несколько еврейских семей с детьми. Грудного молока у мамы почти не было от недоедания, прочего молока тоже было не достать; мама собирала хлебные крошки, добавляла в них чайную ложку подсолнечного масла, заворачивала такую кашницу в чистую тряпочку и совала это в

мой вечно орущий рот. Любовь и печаль правили бал в нашей комнатке, любовь и печаль – эти два неперенных компонента еврейской жизни. Может, Б. Окуджава писал как раз об этом:

**И это всё у нас в крови,
Хоть этому не обучали:
Чем чище музыка любви,
Тем громче музыка печали,
Чем громче музыка печали –
Тем выше музыка любви.**

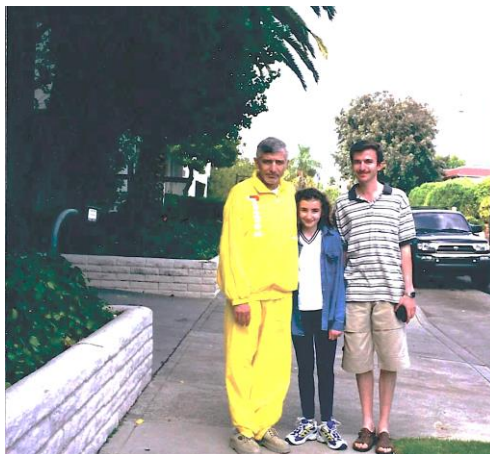
Только в 1945-м году мама со мной вернулась в освобождённое от гитлеровцев Сталино, в нашу разорённую квартиру, где не было ни оставленной нами мебели, ни нашей огромной библиотеки, ни даже окон и дверей....

Мое раннее детство проходило в полностью разрушенном войной городе. Я остро помню нищету и руины. Мы играли в футбол с утра до вечера «двор-на-двор». Ни у кого не было денег на настоящий мяч, поэтому мы делали шар из старого мамино чулка, заталкивая в него ненужные тряпки. Команда проигравших после матча пыталась набить морду победителям, чтобы взять реванш. Иногда мама давала мне монетку в 10 копеек, чтобы я сходил в кино. Для меня это был праздник. Перед входом в детский кинотеатр стояла цепь более взрослых хулиганистых пацанов, которые отбирали монетки у малышни. Но у меня была продуманная «военная стратегия». Я прятал мамину монетку во рту, затем набирал максимально возможную скорость и пытался прорваться сквозь вражеский заслон внутри кинотеатра. Если меня ловили – я мгновенно глотал заветную монетку: если не мне, то и не вам, гадам!

После школы я поступил на химфак Донецкого политеха и вскоре возглавил команду КВН химфака, а позже и всего политеха. В конце концов, в 1972 г. мы вылезли на всесоюзный турнир КВН на Центральном Телевидении и там дошутились.... Что же услышало наше городское и областное партначальство? Ужас и кошмар! Например, в одной из наших сценок некий Большой Начальник говорил: «Приказываю: Менделеевскую Периодическую систему химических элементов, идя навстречу многочисленным пожеланиям самих элементов, переименовать в Периодическую систему элементов имени меня!». Или объявляли со сцены (типа программы новостей): «Сегодня, после тяжелой и продолжительной болезни, не приходя в сознание, кое-кто приступил к управлению государством»; «В связи со строительством социализма в пустыне Сахара, там начались перебои с песком». После нашего выступления (первого и последнего!) в студии на Шаболовке, ректора, а также секретаря и важных членов парткома ДПИ вызвали в Донецкий обком КПСС на какое-то заседание, и зав. сектором науки и учебных заведений мадам Радченко орала им в перепуганные лица примерно следующее: «Кто уполномочил какого-то Кгаснянского (так, по рассказам сочувствующего мне члена парткома, произносила она мою фамилию – через «г», намекая на моё еврейство) представлять на всесоюзном телеэкране Донецкую область? – Чтобы духа этого Краснянского в институте не было!». Вскоре «моего духа» в ДПИ таки не стало – меня, 26-летнего кандидата химических наук, уволили решением парткома факультета (!), а деятельность нашей институтской команды КВН была запрещена (уже парткомом института).

Вызывает восхищение стойкая и последовательная ненависть КПСС к нашей еврейской семье – ведь и мой отец, и я были изгнаны с работы именно решениями обкомов-парткомов КПСС! **Огромное спасибо вам, советские и все прочие всемирные антисемиты!** Во многом благодаря вашим усилиям, еврейский народ научился выживать,

развиваться и процветать в таких экстремальных условиях, в которых иные народы давно бы прекратили своё существование! Несмотря на ваши титанические усилия, я стал доктором наук и профессором университета, написал 5 учебников, около 200 научных статей на трех языках и около сотни публицистических статей в электронных и «бумажных» русскоязычных СМИ Украины, России, США, Германии, привёз свою семью в Америку, сын получил мастера бизнеса в Berkeley, дочка – мастера экономики в NYU. А вот вам всем! И вся наша семья всегда трудилась и до сих пор трудится «в поте ума своего»!..

Я с моими детьми. Калифорния. 2000 г.

***Итого:* Из восьми человек моей еврейской семьи (две бабушки, два дедушки, отец, мать, тетя и я) – шестеро (!) были физически уничтожены антисемитами всех мастей и раскрасок. Выжили только мать (она умерла в 2000 г. в возрасте 91 года) и я – всё ещё живой, никем не съеденный и не переваренный! («Если больной очень хочет жить, врачи бессильны» – Фаина Раневская). Нашу семью убивали петлюровские атаманы, убивали сталинские и гитлеровские палачи, раздавливал каток КПСС, ей не давали нормально жить пост-советские коррумпированные чиновники, но наперекор всему на протяжении минимум трёх поколений наша еврейская семья успешно и эффективно трудилась (и трудится поныне!) – кто торговал, кто строил дома, кто занимался наукой, кто (это уже дети в Америке) экономикой и финансами, сея вокруг себя «разумное, доброе, вечное». И мы это делали и делаем исключительно за счет своих личных, традиционно еврейских качеств: ума, трудолюбия, стойкости, веры.**

Мне 75. Но если определять возраст не количеством прожитых лет, а количеством утраченных идеалов – то я всё ещё молод! И я, молодой и счастливый, смотрю как бы со стороны на свою жизнь, на свои 75 лет, пролетевшие как одно прекрасное, чарующее мгновение, которое всё ещё длится и длится, ощущаю, как, вращаясь под Солнцем, несется Земля сквозь Космос и Время, увлекая за собой семь миллиардов жаждущих счастья людей...